

12. Spears R. A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters. New York, Jonathan David Publishers, Inc. 1981. XXVIII, 448 p.

13. Wikipedia. Available at: www.wikipedia.org.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ УСТАРЕВШИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru.

Гиголаева Анна Темуриевна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, e-mail: 630856@bsu.edu.ru.

Рассматривается процесс метафоризации устаревшей заимствованной лексики в тексте исторического романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Особое внимание уделяется действию механизма образования окказиональных метафор. Его основанием является вводимое авторами понятие «дискурсивно-смысловое поле».

Ключевые слова: метафора, дискурсивно-смысловое поле, коннотация, окказиональная метафора, ассоциативно-семантический признак

THE PROCESS OF METAPHORIZATION OF OBSOLETE LOANWORDS IN THE HISTORICAL NOVEL

Alefirenko Nikolay F., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University, 308007, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya st., e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru.

Gigolaeva Anna T., undergraduate student, Belgorod National Research University, 308007, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya st., e-mail: 630856@bsu.edu.ru.

The paper explores the process of metaphORIZATION of obsolete loanwords in the historical novel "Ice House" by I.I. Lazhechnikov. Particular attention is paid to the formation of occasional metaphors. The given mechanism is described on the base of the author's term "discursive semantic field".

Keywords: metaphor, discursive semantic field, connotation, occasional metaphor, associative semantic feature

Предметом представленного в статье исследования являются пути и способы окказиональной метафоризации ныне устаревших лексических заимствований в тексте исторического романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Окказиональные метафоры появляются в художественном тексте спонтанно, на гребне лингвокреативной волны речетворчества писателя, и поэтому они уникальны. Автор стремится передать тонкие, быть может, едва уловимые сходства разных по своей природе предметов или явлений. Этим преследуется высокая познавательная-эстетическая цель: с помощью когнитивной метафоры создать порождаемый авторским художественным воображением нестандартный дискурсивно-ассоциативный образ – носителя суггестивной ценностно-смысловой информации доступной адресату лишь в определённом коммуникативно-когнитивном контексте. В силу этого, как

показывает анализ текста романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом», окказиональная метафоризация устаревших заимствований превращает художественно-исторический нарратив в экспрессивно-образный текст.

Основанием словесной окказиональной метафоры служит метафора когнитивная. Н.Д. Арутюнова, размышляя над механизмом реализации когнитивной метафоры в художественном тексте, считает, что основным условием его действия является разная категориальная репрезентация двух субъектов, основного и вспомогательного [2, с. 22]: «В семантическом механизме метафоры участвуют четыре компонента, лишь частично представленные в её поверхностной структуре: основной и вспомогательной метафоры по М. Блэку, и некоторые свойства каждого из них [2, с. 28]. М. Блэк приходит к выводу о том, что «механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система ассоциируемых импликаций, связанных его вспомогательным субъектом» [4, с. 167]. Главную роль в образовании индивидуально-авторской метафоры и её понимании играют *нестандартные коннотации*, семантические или стилистические оттенки, накладывающиеся на основное значение и служащие для выражения эмоционально-экспрессивной окраски [3, с. 203–204].

Окказиональная метафоризация устаревших заимствований, как правило, основывается на *внутреннем* (скрытом) *сходстве* двух предметов. Возникновение окказиональных метафорических значений устаревших слов в тексте исторического романа обусловлено разными причинами, побуждающими художников слова к созданию индивидуально-авторских образований. Среди них: 1) необходимость более *точно* выразить мысль; 2) стремление к компрессии высказывания; 3) потребность выразить личностное отношение к репрезентируемому предмету. Названные факторы возникновения окказионально-метафорических значений устаревших заимствований являются в идиостиле И.И. Лажечникова доминантными. В качестве примера обратимся к смысловому регистру метафорически используемой автором лексемы *капище*. Заимствована она из старославянского *каль* – ‘видение, призрак, образ’, которая обозначает 1) ‘языческий храм’, 2) перен. ‘место служения чему-нибудь (ритор.)’. Рассмотрим данную лексему с помощью вводимой нами категории *дискурсивно-смысловое поле текста*.

Феномен дискурсивно-смыслового поля – продукт текстопорождающего взаимодействия всех составляющих дискурсивной деятельности. Это относительно автономный участок текстового пространства, обладающий определённым смыслообразующим потенциалом, зависящим от интенсивности проявления прямого или косвенного взаимодействия таких коммуникативно-когнитивных компонентов дискурса, как знание описываемой действительности, участники коммуникативного события, их мнения, ценностные установки, обстоятельства осуществления дискурса, играющих важную роль для понимания и восприятия информации. С одной стороны, это экстралингвистическая среда по отношению к смысловому содержанию текста, а с другой, — это речемыслительная деятельность, продуцируемая автором и воспроизводимая читателями.

Анализ дискурсивно-смыслового поля может вестись с помощью речемыслительной матрицы, ориентирующей внимание исследователя на выявление его смыслопорождающих механизмов. Под речемыслительной матрицей понимается сложная семантическая сеть, (а) объединяющая множество взаимодействующих друг с другом дискурсивно-модусных концептов и (б) структурирующая то или иное дискурсивно-смысловое поле. В этом плане речемыслительная матрица выступает аналогом фреймовой структуры. В связи с этим осуществление такого подхода к анализу дискурсивно-смыслового поля опирается на матрично-фреймовый метод, позволяющий исчерпывающе раскрыть ценностно-смысловой диапазон устаревших заим-

ствований, выходящий за рамки своей изначальной денотативной области. Фрейм-структура как совокупность хранимых в дискурсивном сознании [1, с. 14] ассоциативных связей между концептами, заполняющими её слоты и терминалы. Связанные во фрейм концепты имплицитно описывают дискурсивную ситуацию, а сам фрейм можно сравнить с «кадром», в рамки которого попадает всё, что типично и существенно для представленной в тексте исторической эпохи. К примеру, типичными для описываемой в романе исторической эпохи были маскарады, авантюры с переодеванием. Обратимся к одному из эпизодов романа: «Как огромный гремучий змей, втянулись они (ряженые – прим. авт.) в зал, составили польский, сгибаясь в кольца и разгибаясь в бесчисленных изворотах, но, не выпуская из своего круга бедного, измученного кропателя стихов (В.К. Третьяковского – прим. авт.). Тут были инка, гранд и донна, испанцы только по женским мантильям, на них накинутым, и по перьям на шапочках с бриллиантовыми аграфами» [14, с. 78].

Повествуя о вечернем появлении в доме кабинет-министра Волынского святочных масок, И.И. Лажечников путём метафоризации устаревших слов создаёт сложную, с исторической точки зрения весьма информативную *семантическую сеть*. Волынскому сообщили, что якобы под масками скрываются его друзья и единомышленники гоф-интендант Перокин и тайный советник Щурхов. На самом же деле под масками скрывались сторонники Бирона во главе с его родным братом Густавом. Они явились, чтобы заставить Волынского при свидетелях высказать негатив против Бирона, чтобы затем подвергнуть его преследованию. Одним из ряженых оказался тот самый неизвестный доброжелатель. Он предупредил Волынского об опасности. Тогда Волынской посадил незваных гостей в свои сани и приказал кучерам высадить их на Волковом поле, куда сбрасывались трупы нищих. Брата Бирона Артемий Петрович лично отвёз в Зимний дворец. В описании данной дискурсивной ситуации автор использует два устаревших заимствования: *гранд* – ‘в Испании до 1931 г.: высший дворянский наследственный титул, а также лицо, имеющее этот титул’ или *дон (донна)* – слово, присоединяемое к имени дворян в Испании или *дом* (исп. и итал. *don*, франц. и порт. *dom*, от лат. *dominus* – господин). В Испании этот титул, прежде принадлежавший королю и принцам, потом жаловался за заслуги, теперь просто уважительное обращение к мужчине. В Италии – почётный титул духовенства и дворян, изначально дававшийся только Папе. В Португалии титул дон носят владетельные особы и члены их фамилий. Так образуется семантическая сеть речемыслительной матрицы, объединяющая с помощью когнитивной метафоры взаимодействующие дискурсивно-модусные концепты, репрезентируемые устаревшими заимствованиями *инок, гранд, дон, гоф-интендант* и автохтонными терминами *кабинет-министр, тайный советник*.

Поскольку когнитивная матрица базируется на двух основных составляющих – фоне и фигурах, она позволяет выявить полный спектр лингвокультурологической значимости анализируемого слова. Через анализ когнитивной матрицы выявляются все составляющие дискурсивно-смыслового поля: а) его ресурсы, б) ценностно-смысловая программа, в) знаковые средства, г) границы поля и режим их поддержания.

1. Главный ресурс дискурсивно-смыслового поля эксплицируется через описание материальной среды, в которой разворачивается взаимодействие составляющих дискурса. Это может быть изображение интерьера жилья, предметы быта и т.п. Так, слово *кордегардия*, пришедшее из франц. *corps de garde*, и в языке-источнике, и в языке-реципиенте обозначает ‘помещение для военного караула’. Однако данная лексема в анализируемом тексте исторического романа приобретает метафорическое осмысление. Слово *кордегардия* употребляется в следующем контексте: «Дом переменил хозяина, и всё в нём и вокруг его изменилось: бывало, походил он на *кордегардию*, и

его всё-таки величали дворцом...» [14, с. 35]. *Караульной* Лажечников называет Летний дворец и Летний сад, которые перестали быть «сборным местом всего Петербурга, когда царь (Пётр I) от избытка удовольствия, спешил сообщить своим любезным поданным и детям весть об успехе важного подвига, совершённого им для блага России...».

Нередко метафорические процессы обуславливаются погружением читателя в культурно-исторический контекст. Так, основным ресурсным фактором практически всей окказиональной метафоризации заимствованных лексем в романе служит послепетровская эпоха, получившая название **бионовщины**. Вне данного интеллектуального фона метафорические устаревшие заимствования оказываются недоступными. Политика, проводимая Эрнстом Иоганном Бироном, фаворитом императрицы Анны Ивановны (1730–1740 гг.), привела к засилью иностранцев, главным образом, немцев во всех областях государственной и общественной жизни. Только в данном культурно-историческом контексте понятна следующая фраза И.И. Лажечникова: «*порог этого храма переступает Бирон, поставив у входа его **секиру***». За лаконичной метафорой **секира** скрыта достаточно масштабная и мрачная картина: в 30-х гг. XVIII в. в царствование императрицы Анны Иоанновны сформировался крайне реакционный режим в России, породивший хищническую эксплуатацию народа, разграбление богатств страны, жестокое преследование недовольных, шпионаж, доносы. Теперь, – продолжает автор, – «видны везде власть, великолепие, фортуна; везде вытягивается временщик; но где сила народной любви? где человек народный, вековой?» [14, с. 35]. Ответы на поставленные писателем вопросы содержатся в имплицитных элементах дискурса, породившего данный фрагмент художественного текста. В период *бионовщины* казна истощилась от бесхозяйственного управления страной, беспримерной роскоши двора, хищений фаворитов. Всё это, разумеется, вызывало недовольство мелкого и среднего русского дворянства и гвардейских полков. Окказиональная метафоризация лексемы **кордегардия** перерастает в метафорический текст, возникающий в результате смысловой трансформации слов первичного прямономинативного содержания. В данном контексте значимой для построения метафорического образа эпохи является устаревшая лексема праславянского происхождения **секира** – ‘рубящее холодное оружие, одна из разновидностей боевого топора’. В языковом сознании современной языковой личности название этого оружия связано с глаголом **сечь** – букв. ‘то, чем рассекают’. Она олицетворяет тщеславные, эгоистичные, корыстные, агрессивные, вражеские намерения фаворита Анны Иоанновны. Э.И. Бирон не думал о благе страны. Эпицентром его мира была собственная персона. Для осуществления собственных целей он был готов на **сечь**, на кровавые преступления против народа России. Окказиональная метафоризация устаревших заимствований, основанная на эксплуатации главного ресурса дискурсивно-смыслового поля, приводит к повышенной экспрессивности текста, поскольку затрагивает сферу чувств и переживаний, усиливает ценностно-смысловое воздействие на адресата.

2. Ценностно-смысловая программа дискурсивно-смыслового поля содержит: а) на уровне общества – сведения о культуре социума, б) на уровне социальной группы – проявление в тексте элементов субкультуры, в) на уровне персонажей – культурные модели принимаемых и реализуемых ценностей, норм. Рассмотрим, как посредством оценочной, окказиональной метафоры И.И. Лажечников создаёт образ А.П. Волныского. Метафора в романе «Ледяной дом» является номинативно-прагматической единицей – одновременно и средством окказиональной номинации, и средством интеллектуально-эмоционального воздействия на читателя. Постепенно «развёртывая» окказиональную метафору, читатель постигает истинный смысл, содержащийся в сочетании устаревших заимствований. С этой целью писатель в романе

чаще всего использует метафорические устаревшие заимствования с оценочной коннотацией. Такого рода оценочные метафоры в их сочетании с другими элементами текста выражают весьма разнообразный спектр как положительных, так и отрицательных оценок. При помощи окказиональной метафоризации И.И. Лажечников описывает героя своего главного героя – А.П. Волынского, главными чертами которого являются любовь ко всему русскому, патриотизм, смелость, справедливость, ненависть к раблепию. Ср.: «...я русский боярин, не скоморох. Ты сам знаешь, что я друзьям и себе дал слово идти против чужеземного нашествия и предводителя его. В этом я поклялся пред образом Спасителя, – мне достался крест по жребью – я опоясался им, как мечом; я крестоносец, и если изменю клятве своей, наступлю на Распятие Сына Божия!» [14, с. 66]. В этом отрывке особое внимание обратим на то, как посредством окказиональной оценочной метафоры раскрывается положительный образ Артемия Петровича. Негодуя из-за засилья в стране тщеславных и жестоких иноземцев, он в своей решимости бороться с этим злом использует метафорический образ Спасителя. Он опоясался образом Спасителя как оружием. Лексема **опоясать** имела значение 'надеть на кого-нибудь пояс или оружие на пояс', но в представленном фрагменте произведения И.И. Лажечникова в результате метафорического переосмысления в качестве меча выступает образ Христа, Спаса, как называли его на Руси. Для Волынского Христос – образец служения людям. Как Иисус Христос, принесший спасение человеческому роду, А.П. Волынский был преисполнен решимости принести на алтарь освобождения России от бироновщины свою жизнь («если изменю клятве своей, наступлю на Распятие Сына Божия!»). Это эпифорический тип метафоризации устаревших заимствований. По Ф. Уилрайту, суть эпифоры составляет «семантическое расширение значения... от более конкретного и легко схватываемого образа к тому, что является более неопределённым, сомнительным и странным [10, с. 83].

Словесным воплощением эпифоры является словосочетание (*наступлю на Распятие Сына Божия* = отдам жизнь). Механизмы эпифоры – предикация признаков, употребление «оболочки» с референцией к объекту, результат – делакунализация словаря (в нашем случае появление на базе устаревшего выражения окказиональной оценочной метафоры) [ср.: 9, с. 74]. Не чужд идиостилю И.И. Лажечникова и диафорический тип метафоризации устаревших заимствований. Для него характерна не столько креативная, сколько отражательная установка, повышенная эмоциональная напряжённость, что способствует сложному, не зеркальному отражению действительности. Диафора – это «специфический прагматический вид речевого воздействия, имеющий целью внедрение в сознание под видом объективной информации неявного, но желательного для адресанта содержания таким образом, чтобы у читателя формировалась на основе данного содержания мнение, максимально близкое к авторскому [11, с. 116]. В анализируемом фрагменте примером диафоры служит лексема **крестоносец**. Прямое её значение – 'участник крестового похода'. Предпринимались такие походы с целью освобождения Святой Земли. Для Волынского Святой Землёй была Россия, которую необходимо было спасти от бироновщины.

Как видим, понять окказиональную метафору непросто. Воспринимая во всей сложности смысловую конфигурацию метафоризованного устаревшего слова, читатель вынужден постигать заключённую в ней тайну. Реципиент, воспринимающий такую метафору, должен «пропустить» результаты чужого сравнения через своё языковое сознание и, сопоставив их с собственным опытом, соотнести с теми же явлениями и предметами, что и «создатель» метафоры. Такого рода анализ ценностно-смысловых программ позволяет понять смыслы, вкладываемые автором в уста героев исторического романа.

3. Знаковыми средствами дискурсивно-смыслового поля служат правила интерпретации используемых в поле знаков и символов, норм их сочетаемости друг с другом и с ситуациями внешней среды (употребляемые устаревшие заимствования, жесты, мимика, значимые маркеры одежды и т.д.). В качестве знаков могут выступать любые материальные объекты, действия людей, которым окружающие придают смысл и используют для интерпретации. Есть не только словесный язык, но и язык жестов, одежды, мебели, косметики, демонстраций и т.д. В качестве такого знака в романе выступает, например, лексема **фerezь** (от тюркск. *feradze*) – ‘одежда с длинными рукавами, которую носили древнерусские мужчины и женщины’. Ср.: «*Богатая фerezь её, как жар, горит*». Так лаконично И.И. Лажечников описывает одеяние новоторжской барышни, пришедшей на бал к А.П. Волынскому. Подобную роль выполняют лексемы **рыдван** – ‘в старину большая дорожная карета’, **экипаж** – ‘лёгкая рессорная повозка для пассажиров, которую везут лошади’, **кибитка** – ‘телега или сани с крытым верхом’: «*Пусто было на улицах и площадях; лишь изредка мелькал курьер, сидя на облучке закрытой кибитки... На всём пути наших цыган встретили они один экипаж: это был рыдван, облупленный временем*» [14, с. 28]. С их помощью автор предметно описывает поездку Мариулы и цыгана Васи в Зимний дворец, к княжне Мариорице.

4. Границы дискурсивно-смыслового поля и режим их поддержания – одни из ключевых его параметров. Важно разграничивать центростремительные тенденции внутри поля и центробежные – смысловые связи между полями. О границе, прежде всего, сигнализирует прерывистость взаимодействия участников дискурсивно-смыслового поля: а) процессы обмена ресурсами либо замедляются, ослабевают, либо исчезают совсем; б) речемыслительные процессы не укладываются в когнитивно-прагматическую матрицу дискурсивно-смыслового поля. Ценности и нормы теряют свою направляющую функцию. Нередко ценности превращаются в антиценности. Жёсткие нормы становятся смешными причудами (например, нормы язычества в христианской среде); в) язык прежнего нарратива теряет способность служить средством полного взаимопонимания.

На границе дискурсивно-смыслового поля происходит видоизменение идиостиля коммуникантов, смена ключевых категорий или, по крайней мере, – вкладываемого в них смысла.

Онтологическая природа дискурсивно-смыслового поля определяется сбалансированной конфигурацией речемыслительных и когнитивно-прагматических смыслов, порождающей *дискурсивно обусловленную* окказиональную метафоризацию устаревших заимствований с опорой на подразумеваемый культурно-исторический контекст. Ядром дискурсивно-смыслового поля выступает вербализованная устаревшим заимствованием когнитивная метафора, а его периферию образуют ассоциации с экстралингвистическими составляющими исторического контекста.

Особенности дискурсивной обусловленности когнитивной метафоры заключаются в том, что она «исходит» из конкретного контекста, рождается и существует в нём. Вне связи с контекстом не может быть определена семантическая сущность окказиональной метафоры, возникшей путём переосмысления устаревшего слова. Контекст для неё не «обрамление», не фон, а её собственно семантическая субстанция, её содержимое, которое далеко не всегда легко разложить на «фокус» и «рамку». Даже в случаях контекстного развёртывания языковой метафоры, контекст всё же является не «окружением», а источником семантической сути окказиональной метафоризации устаревших заимствований. Ср.: «*В то время, когда **раболепная чернь** падала пред общим кумиром и лобызала холодный помост **капища**, обрызганный кровью жертв; когда **железный уровень** беспрестанно наводился над Россией, один Волынский, с своими друзьями **не склонял** пред ним благородно-*

го *чела*» [14, с. 18]. Дискурсивно-смысловая аура воплощается в тексте романа различными конфигурациями изобразительно-выразительных средств русского языка; одно из наиболее используемых в романе И.И. Лажечникова – метафорический эпитет. В анализируемом контексте используется метафорический эпитет *раболепная* в сочетании с именем существительным *чернь*. Метафорический эпитет *раболепный* выражает здесь весь синонимический спектр смыслового содержания концепта «Раболепие»: ‘холопский, подхалимистый, угодливый, лакейский, льстивый, подбострастный, искательный, низкопоклонный, сервильный, сервиллистский, холуйский, униженный, рабий, заискивающий, униженный, прислужнический, рабский, подхалимский’. Данный эпитет выражает значение, связанное по своему метафорическому значению с существительным *раболепие* – ‘рабски угодливый, льстивый; покорный’. В данном контексте употребляется в значении ‘проникнутый рабской угодливостью, льстивостью, покорностью’. Атрибутивный смысл ‘рабский’ актуализируется определяемым устаревшим существительным, историзмом *чернь*, возникшим от метафорического словосочетания *чёрные люди*, бытовавшем в высокопарно-презрительной речи дворянского общества. Употреблялось оно в двух значениях: а) ‘люди из непривилегированных классов, простонародье, толпа, в поэтической речи – народ, лишённый высоких интересов’; б) ‘люди, далёкие от духовной жизни, высоких идеалов’.

Сознание языковой личности писателя настолько преисполнено субъективной оценочности (окказиональная сочетаемость слов создаёт особую поэтику внешнего мира, передаёт ощущение чего-то близкого, будучи связанной, не только с наглядно-чувственным компонентом лексического значения, но и с эмоциональными переживаниями), что лексическим историзмом *чернь* обозначает не простонародье. Это, хотя и высокопоставленные, но далёкие от духовной жизни, высоких идеалов люди. Их уничижительная характеристика передаётся автором с помощью сложно трансформируемого устаревшего фразеологизма *падать ниц перед кем-то* во втором его значении ‘преклоняться; выражать преданность, почтение’. Автор элиминирует фразеологизм до одного лишь его глагольного компонента *падать*, сохраняя при этом его устаревший семантико-стилистический статус за счёт лексемы *пред* и историзма *кумир*. В «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера читаем: *кумир* – ‘идол, божок’, русск.-цслав. *кумиръ*, ст.-слав. *кумиръ* ⲕⲱⲙⲓⲣⲱ, ⲕⲱⲙⲓⲣⲁ. В русский пришло из цслав.; источник установить трудно. С.С. Младенов ищет его в семит. **kimrā*, сир. *kimrā* ‘жрец’, откуда, по его мнению, арм. *կումր*, род. мн. *կումրս*, а также ст.-слав. слово». Тем самым писатель метафорически именуется Э.И. Бирона идолом, презренным божком (*раболепная чернь пала пред общим кумиром*).

Однако и эта отрицательная коннотация кажется писателю недостаточной. Он дополняет её концентрированным набором изобразительно-выразительных приёмов (глагольная метафора + художественный эпитет + иронический сарказм – обличающее пороки высказывание с подтекстом, содержащим язвительно-жестокую насмешку, едкую иронию, т.е. это та же ирония, но очень злая). Ср.: (*чернь*) *лобызала холодный помост капища*. И без того преисполненный иронии (для современного языкового сознания) устаревший глагол *лобызать* подвергается уничижительной коннотации за счёт нарушения узусальной лексической сочетаемости. Стилистически нейтральное значение глагола – ‘целовать, привечать приложением уст’ – традиционно выражалось его сочетанием с именем существительным *рука*. В библейские времена целование было обычной формой почтительного приветствия, особенно целование *руки*. Чтобы сделать это, надо было склониться к руке другого человека, поцеловать её и провести ею по своему лбу. Целование как символ любви и уважения было воспринято и ранними христианами: «Приветствуйте всех братьев лобзанием святым» (1 Фес. 5: 26). В современной

церковной обрядности целование руки священника, которое происходит, когда он даёт крест или благословляет, в отличие от простого приветствия, имеет особую духовно-нравственную значимость. Получая от Бога благодать посредством креста или священнического благословения, человек мысленно целует незримую десницу Божию, которая ему эту благодать подаёт. Одновременно целующий руку священника выражает почтение и к сану. В анализируемом же фрагменте текста писатель сознательно нарушает узуальную лексическую сочетаемость: (чернь) *лобызала* не руку, а *холодный помост капища*. Это главный способ образования *дискурсивно-смыслового поля*, интенционалом (ядром) которого выступает метафора *капище*, фокусирующая вокруг ядерной семы 'божница идолопоклонников' её узуальные смысловые вариации (облигаторные, или обязательные, вариативные семы): 'идолище, жрище, поганище, кумирня; бурханище'. Интенционалом выступает центральная часть (ядро) структуры дискурсивно-смыслового поля, включающая узуальные семы. Глубоко культуроносная метафора распространяется периферийным и метафорическим импликационалом с яркими оценочными коннотациями.

Под *метафорическим импликационалом* мы понимаем совокупность коннотативных сем (выраженных и скрытых), образующую периферию дискурсивно-смыслового поля, окружающую его ядро. Периферийную зону дискурсивно-смыслового поля образуют препозиционный эпитет *холодный* и постпозиционный причастный оборот *обрызганный кровью жертв*. Оба эпитета (словесный и контекстуальный) имеют глубокий лингвокультурологический смысл. Лексема *капище* представляла когнитивную метафору уже в эпоху смены язычества на христианскую религию, поскольку символизировала объект борьбы с мракобесием. Вот как писал Митрополит Илларион в своём знаменитом «Слове о законе и благодати» (1043 г.): «*Начат мрак идольский от нас отходити... Уже не сотонинские капища сограждаем, но Христовы церкви зиждем... капища разрушася и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святых являются*».

Хотя достоверная этимология слова *капище* неизвестна, можно выделить некий старославянский корень *капль-*, который являлся носителем двух сем – 'идол' и 'кумир'. Возможно, в этом и есть рациональное зерно, хотя подтверждений данной версии найти непросто, особенно если учесть, что сегодня о капище говорится как об определённом пространстве за алтарём в христианском храме. Вместе с тем нельзя не учитывать культурное, ведическое назначение капищ. Традиционная культура славяно-ариев, равно как и религиозные или ведические системы иных народов, включает в себя организацию и обустройство специальных мест для проведения ритуалов и сакральных элементов празднований. Во многих культурах постройки аналогичного плана называют храмами. Наши предки называли их капищами. Фактически *капище* – это место, где волхвы проводили различные обряды и ритуалы. В капищах нарекали детей и воинов, проводили мистерии инициации. Капище посещали во время празднования Любомира, а также в дни похорон. Любой праздник включал в себя обрядовую часть, проводимую непосредственно в капище, если оно было. В этой связи метафорическое использование И.И. Лажечниковым лексемы *капище* придаёт всей конфигурации изобразительно-выразительных средств в сочетании (чернь) *лобызала холодный помост капища* окказиональный смысл, напоминающий 'пир во время чумы', точнее, идиоматический смысл этого выражения – 'разгульное веселье на фоне общего бедствия, которое, несомненно, затронет и легкомысленных пирующих'.

Заключает анализируемый метафорический фрагмент романа фразеологизм *не склонять* (перед кем, чем) *чела* (перед властелином, перед судьбой). В данном метафорическом фрагменте этот фразеологизм употребляется в значении 'не смиряться, не прекращать борьбу, не покоряться кому-л., не признавать себя побеждённым, быть независимым'. Его назидательно-авторский смысл расширяет узуальное значение фразеологизма, поскольку проецируется дис-

курсивным содержанием развёрнутой когнитивной метафоры, связывающей анализируемый фрагмент романа в единое художественное (ассоциативно-смысловое) целое. При таком расширительно-дискурсивном понимании репрезентации когнитивной метафоры особую значимость приобретает мысль Э. Мак-Кормака о том, что метафора во всей своей красоте может реализоваться лишь посредством расширенного коррелята [7, с. 360]. В отличие от поверхностных метафор, такие «глубинные метафорические концепты», хотя и структурируют художественно-исторический дискурс, не всегда присутствуют в нём явно.

С помощью «широкой» репрезентации глубинных метафорических концептов автору романа удаётся создать когнитивно-метафорический образ угнетаемой безжалостным временщиком страны, бедственное положение которой, в частности, подчёркивается выражением «*железный уровень беспрестанно наводился над Россиею*». Под этим выражением завуалирован метафорический образ гильотины (франц. *guillotine*) – орудие для обезглавливания. «Железный уровень» ассоциируется с массивным железным бруском из стали, заточенным снизу, вправленным в высокую деревянную раму. Отечество описывается, словно в ожидании казни гильотиной, угроза эта нависла над ним, а палачом выступает коварный иноземец. При этом вокруг фаворита императрицы были люди, которые воздвигли его на пьедестал. Пьедестал этот, однако, был окрашен в кровавый цвет, поскольку своё положение Бирон завоёвывал грабежом, убийствами, вселяя в людей страх.

Итак, окказиональная репрезентация развёрнутой когнитивной метафоры, которая в сочетании с другими изобразительно-выразительными средствами обеспечивает когерентность и цельность текста [13], способствует его пониманию, служит важным маркером идиостиля автора исторического романа. В историческом романе И.И. Лажечникова когнитивная метафора, вербализуемая устаревшими заимствованиями, формирует историческую концептосферу текста, выполняет роль «одного из ключевых структурно-смысловых и идейно-образных элементов» [7, с. 47]. В анализируемом романе когнитивная метафора, репрезентируемая архаизированными заимствованиями, выступает как некая «опредмеченная рефлексия, играющая особую роль в понимании смыслов, метасмыслов и художественной идеи целого текста» [6].

Как показывает проведённый нами анализ, в историческом художественном дискурсе метафоризация устаревших заимствований в тесном сопряжении с другими средствами исторической стилизации текста формирует дискурсивно-смысловое поле, которое в языковом сознании находится между семантической структурой текста и «смысловыми скважинами». Смысловой скважиной Н.И. Жинкин назвал подразумеваемый денотат или несколько денотатов текста, необходимых для его понимания, но не названные в нём. Текст является для данного читателя полным, если отсутствующие в тексте денотаты имеются в опыте читателя и позволяют ему домыслить содержание текста [5]. В совокупности они формируют (а) особое ценностно-смысловое пространство текста исторического романа, (б) художественную конфигурацию смысловых доминант языковой личности писателя, (в) необходимых для дискурсивного порождения текста исторического романа, (г) создания колорита эпохи – всего того, что обеспечивает адекватное восприятие и понимание метафорического содержания исторического романа. Когнитивная метафора, объективированная устаревшими заимствованиями, распознаётся как таковая в результате выявления как сходных свойств референта, на которых основывается аналогия, так и несходных, на которых строится семантическая аномалия, порождающая эмоциональное напряжение текста исторического романа.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивное сознание как речемыслительная категория / Н. Ф. Алефиренко // Проблемное поле дискурсологии : сб. науч. ст. – Белгород : Политера, 2010. – С. 14–19.

2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс [Вступ. ст.] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966.
4. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
6. Залевская А. А. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543с.
7. Кураш С. Б. Метафора и её пределы: микроконтекст – текст – интертекст / С. Б. Кураш. – Мозырь : МозГПИ им. Н.К. Крупской, 2001. – 118 с.
8. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–386.
9. Панкратова С. А. К вопросу о дифференциации когнитивной и образной метафор: когнитивная эпифора и образная диафора / С. А. Панкратова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 1 (021). – С. 71–78.
10. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 82–110.
11. Щурина Ю. В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе / Ю. В. Щурина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4 (021). – С. 116–122.
12. Alefirenko N. F. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory / N. F. Alefirenko // X Linguae. European Scientific Language Journal. – 2014. – Vol. 7, iss. 2. – P. 32–45.
13. Alefirenko N. F. Text and discourse (Between Scylla and Charybdis of Cognitive Linguopoetics / N. F. Alefirenko, Chumak-Zhun I. I., Ozerova E. G., Stebunova K. K. // Journal of language and literature. – 2015. – № 30.
14. Лажечников И. И. Ледяной дом / И. И. Лажечников. – М. : Директ-Медиа., 2014. – 400 с.
15. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати // Православное общество «Азбука веры». – Режим доступа: <http://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Alefirenko N. F. Diskursivnoye soznaniye kak rechemyslitel'naya kategoriya. Problemnoye pole diskursologii. Belgorod, Politera, 2010, pp. 14–19.
2. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metaforoy. M., Progress, 1990, pp. 5–32.
3. Akhmanova O. S. Slovar lingvisticheskikh terminov. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1966.
4. Blek M. Metafora. Teoriya metaforoy. M., Progress, 1990. 512 p.
5. Zhinkin N. I. Rech kak provodnik informatsii. M., Nauka, 1982. 159 p.
6. Zalevskaya A. A. Slovo. Tekst: Izbrannyye trudy. M., Gnozis, 2005. 543 p.
7. Kurash S. B. Metafora i eyo predely: mikrokontekst – tekst – intertekst. Mozyr, 2001. 118 p.
8. Makkormak E. Kognitivnaya teoriya metaforoy. Teoriya Metaforoy. M., Progress, 1990, pp. 358–386.
9. Pankratova S. A. K voprosu o differentsiatsii kognitivnoy i obraznoy metafor: kognitivnaya epifora i obraznaya diafora // Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 2016, № 1 (021), pp. 71–78.
10. Uilrayt F. Metafora i realnost. Teoriya metaforoy. M., Progress, 1990, pp. 82–110.
11. Shchurina Yu. V. Metafora kak istochnik komicheskogo v sovremennom rossiyskom media-diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 2009, № 4 (021), p. 116–122.

12. Alefirenko N. F. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory // X Linguae. European Scientific Language Journal, 2014, Vol. 7, iss. 2, pp. 32–45.

13. Alefirenko N. F., Chumak-Zhun I. I., Ozerova E. G., Stebunova K. K. Text and discourse (Between Scylla and Charybdis of Cognitive Linguopoetics // Journal of language and literature, 2015, № 30.

14. Lazhechnikov I. I. Ledyanoy dom. M., Direkt-Media, 2014. 400 p.

15. Mitropolit Ilarion. Slovo o zakone i blagodati // Pravoslavnoe obshchestvo «Azbyka very». Available at: <http://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona>.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РЕКЛАМНЫХ ЖАНРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ)

Багринцева Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Колоколова Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Кривых Людмила Дмитриевна, кандидат педагогических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Пителина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Статья посвящена рассмотрению особенностей современных рекламных жанров. Исследование проведено на материале рекламы образовательных услуг. Выделяются различные рекламные жанры: императивные, информационные, аналитические. Приводятся статистические данные по данному исследованию.

Ключевые слова: рекламный жанр, реклама образовательных услуг, императивный жанр, информационный жанр, аналитический жанр, presupposition

SOME PECULIARITIES OF MODERN ADVERTISEMENT GENRES (AT THE BASE OF EDUCATIONAL SERVICES ADVERTISEMENTS)

Bagrintseva Olga B., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Kolokolova Natalia M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Krivykh Lyudmila D., Candidate of Pedagogical Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

Pitelina Maria V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: vavilon-asu@yandex.ru.

The paper refers to the investigation of some peculiarities of modern advertisement genres. The research is carried out at the base of educational services advertisement. The paper defines different advertisement genres: imperative, informational and analytical. The paper presents the statistic data of the research.

Keywords: advertisement genre, educational services advertisement, imperative genre, informational genre, analytical genre, presupposition